
Марк Мацкевич
Библиотекарша Боевого Факультета
18+

Марк Мацкевич

Библиотекарша боевого факультета

«Автор»
2026

Мацкевич М.

Библиотекарша боевого факультета / М. Мацкевич — «Автор», 2026

В моей библиотеке книги кусаются. Обычно я знаю, как их обезвредить. Но в первый день описи одна из них возвращает мне сестру — точнее, её полевой журнал, восемь лет числившийся испорченным пособием.Теперь у меня двенадцать дней до вывоза фонда, чтобы доказать: Нера не была дезертиром. А рядом стоит Гарт Орем — охранник, чья подпись отправила её имя в неправильную строку. Он помнит, как выдал ей журнал, но о том дне молчит. И слишком хорошо умеет спрашивать разрешения, прежде чем прикоснуться к опасной книге или ко мне.Пока мы ищем следы второго ремонта, полевой шифр и свидетелей, мне придётся решить, можно ли доверять человеку, который однажды подписал чужую ложь. И что делать, если сердце требует оставить его рядом, а архив — не забыть ни одной подписи.Однотомник, можно читать отдельно.

© Мацкевич М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жёлтый стежок 6
Глава 2. Ключ от клетки 10
Глава 3. Открытая строка 14
Глава 4. Зазубрина 18
Глава 5. Книга выдачи 22
Глава 6. До понедельника 26
Глава 7. Стол у окна 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Марк Мацкевич
Библиотекарша боевого факультета

Библиотекарша боевого факультета
Марк Мацкевич

Глава 1. Жёлтый стежок

Когда «Основы полевой фортификации» сомкнули переплёт на рукаве Лука, я успела пожалеть о двух вещах. Куртка была новая. Лук был у меня один.

— Так и стой, — сказала я.

— Оно ползёт.

Лук вытянул руку над столом. Из-под зелёной обложки медленно уходила полоска синей ткани. За год на факультете он научился чинить каталожные ящики, готовить клей без комков и отличать мои шаги от шагов заведующего. Сегодня у него впервые получилось сунуть палец под зачарованную застёжку.

Доску пришлось тянуть с дальнего края стола, из-под книги выдачи. Пока я вытаскивала её, зелёный том подтянул к себе локоть Лука. Лук привстал на цыпочки.

— Угол приподними, — сказал мужчина у двери.

Я обернулась. Он стоял в расстёгнутом сером пальто, с мокрым свёртком под мышкой. На щеке у него отпечатался шов воротника. Видно, спал по дороге, прислонившись к стенке экипажа.

— Встаньте с той стороны, — сказала я. — Когда поднесу доску, подайте ему локоть вперёд.

Мужчина положил свёрток прямо на пол. Подошёл к Луку и остановился так близко от меня, что я почувствовала холод от его пальто.

— Можно взять тебя за руку?

Лук закивал. Я просунула доску под нижнюю крышку, мужчина приподнял локоть Лука. Рукав обмяк, и книга перестала жевать. Я вытянула рукав. На застёжке повис синий клочок.

— Воды, — попросил Лук.

На кухне был кувшин. Лук ушёл туда, держа руку перед собой. Мужчина снял с застёжки синий клочок и положил на край доски.

— Через двенадцать дней всё это повезут в печь? — спросил он.

На его пальто не было ни формы, ни знака факультета. Только две дырочки у левого плеча, где что-то отпороли.

— Ровно через двенадцать, если закончить опись. Вы от перевозчиков?

Он поднял свёрток и вынул сложенную вчетверо бумагу. Я прочла верхнюю строку. Договор охраны библиотечного фонда и лица, ответственного за опись. Имя стояло внизу, под печатью. Гарт Орем. Та же фамилия, что в донесении о Нере. Восемь лет назад мне дали подержать подлинник, пока писарь снимал копию. Подпись я тогда рассмотрела раньше, чем прочла слово «самовольно».

— Ответственное лицо — вы? — спросил Орем.

— Ада Вель.

Он медленно отпустил бумагу. Я увидела, что он вспомнил фамилию. Он мог произнести имя Неры, а я вдруг поняла, как сильно мне хочется услышать его от человека, который застал её живой.

В кухне надсадно звякнула крышка чайника. Я перевернула лист и на обороте прочла, что охраняемый фонд запрещено выносить из помещения без отметки в описи. Лицо, ответственное за опись, тоже полагалось сопровождать. Хорошо хоть отметки обо мне можно было делать отдельно.

— Начните с ящика, — сказала я. — Придержите крышку.

Ящик поставили у стола утром. На бирке значилось «учебные пособия, повреждённые». Зелёный том был верхним. Под ним остался ещё один, в чёрной коже. Между крышками засохла грязь, а на корешке кто-то зашил прореху жёлтой ниткой. Два стежка шли поперёк,

третий возвращался под первый. Нера так чинила всё, от моей учебной сумки до сапог. Когда мы жили вместе, я просила её хотя бы на моих вещах обрезать концы покороче. На этом переплёте торчал длинный жёлтый ус.

Я опустила руку в ящик. Орем придержал крышку ладонью, и она перестала скрипеть.

— Подождите, — сказал он.

Я вытащила книгу. Она была лёгкая, какими становятся тетради, если из них ушла вся влага. Под моим большим пальцем на канте осталась гладкая вмятина. Нера держала перо левой рукой.

— Это её? — спросила я.

Орем посмотрел на застёжку. На его руке у большого пальца белел старый шрам. Пока он молчал, я успела перевести взгляд со шрама на его рот и обратно на журнал.

— Её. Я сам ей его выдал.

Я положила том на свободный край доски. Лук выглянул из кухни с кружкой в обеих руках. От горячей воды у него порозовели пальцы.

— Лук, принеси опись. И сам останься.

Орем взялся за спинку стула. Я думала, он сядет, но он придвинул стул мне.

— Ада, давайте до утра.

Восемь лет я знала, что напишу, если кто-нибудь принесёт мне хоть одну её вещь. Теперь, когда Лук раскрыл передо мной опись, я едва могла вывести первую букву.

— Полевой журнал Неры Вель, — прочитала я вслух. — Происхождение подлежит проверке.

На бирке ящика оставалось место для печати. Я закрыла пустую клетку ладонью, пока высыхали чернила.

Лук поставил кружку на опись. Круг от донышка едва не лёг поперёк строки. Я сняла кружку с бумаги за ручку.

— Простите. Тут ещё шифр надо перенести?

На бирке углём вывели номер ящика. Писарь всегда сыпал на такие бирки песок, и номер можно было смазать пальцем даже через неделю. Утром я велела Луку переписать его на полях. Он придвинул мне свой листок. Семёрка у него выходила с двумя перекладинами. Говорил, так надёжнее.

— Шифра у книги пока нет. Номер ящика перенеси. И запиши, какая книга лежала сверху.

— Та, что меня укусила?

— У неё длинное название. Но про укус тоже запиши, у заведующего будет повод прочитать до конца.

Лук поднял карандаш и по привычке сунул его за левое ухо. Правым плечом он ещё шевелил осторожно. На доске лежал клочок синей ткани. Я попросила Лука снять куртку и закатать рукав рубахи. Кожа под тканью была чуть краснее у сгиба. Лук сжал кулак, разжал, пошевелил каждым пальцем. На мизинце у него была чернильная точка. Когда я отпустила руку, он первым делом приложил её к тёплой кружке.

— Вам тоже посмотреть? — спросила я у Орема.

Он развернул ладонь. Шрам был белый, гладкий, давно заживший. Рядом с ним виднелась вдавленная полоска от ручки свёртка. Орем задержал руку над столом, пока я не отодвинулась.

— Книга за меня даже не взялась, — сказал он.

— А за вас они раньше брались?

— За сапог. Я думал, выдержит.

— Сапог?

— Моё терпение.

Лук отхлебнул воды и поперхнулся. Я подала ему обрывок куртки. Он расправил его на колене и долго примерял к дыре. Дома ему было кому показать разрыв. Меня на месте его матери первым делом заинтересовало бы, где именно стояла эта книга и почему сын вернулся в целом виде только с её разрешения.

Орем всё ещё стоял у стула. Со стула мне был хорошо виден чёрный корешок, стоило лишь подвинуть книгу на свет. У жёлтой нитки рядом со стежком прилип белый катышек. Такой оставляет воск, когда нарушишь привычку и протянешь нитку по свече дважды. Перед отъездом Нера заняла край моего кухонного стола. Я чистила яблоки к пирогу, а она подсовывала мне локоть с расколотым напёрстком и просила не задеть блюдце с воском. Книгу я не разглядывала. На столе у неё вечно что-нибудь лежало, я тогда следила за яблочной кожурой. Нера любила снимать её одной длинной лентой и в тот вечер доела мою, пока я ходила за мукой.

С кухни тянуло прогретым железом. Чайник так и стоял на плите. Пар уже осел на верхнем стекле двери, и под ним исчезли выведенные Луком начальные буквы моего имени. Он написал их после того, как его однажды спросили, чья это кухня. С тех пор ничьи инициалы в библиотеке не были видны так хорошо, пока кто-нибудь не ставил чайник.

— Зачем вы просили ждать до утра? — спросила я.

Орем посмотрел на книгу. Я видела, как у него опустилось плечо, на котором было две дырочки.

— Хотел, чтобы вы успели позвать кого-нибудь из своих.

— Лук из моих.

— Я понял.

Лук обернулся через плечо. Я думала, ему захочется выйти, услышав, как мы говорим о нём. Он поставил стул рядом со мной и развернул карандаш чистым концом к запястью, чтобы не пачкать рукав рубахи.

— Когда вы получили журнал? — спросила я Орема.

— Я получил ящик полевых тетрадей перед выходом. Эту выдал вашей сестре. Остальные раздал на месте.

— Как узнаёте именно её?

Он наклонился к доске, не опираясь на стол. Я перестала видеть его лицо. Зато видела, где лежат руки. Он положил их за спину, как делают люди, которым много раз запрещали трогать руками выставленные на полках вещи.

— У этой застёжку ставили набок. Нера попросила такую, ей было удобнее отводить язычок левой. Видите две заклёпки ближе к углу?

Из-под ремешка выступали две медные головки. Я помнила застёжки на новых полевых тетрадях. Они шли по середине, симметричные и глупые, если открыть книгу одной рукой, а другой держать фонарь. Лук наклонился следом за Оремом.

— Это тоже записать?

— Запиши. С его слов.

Я протянула Орему перо и обнаружила, что всё ещё держу его за кончик. Он взял другое. У него оказался тот же почерк, который я помнила по купленной за последние деньги копии донесения. В фамилии Орем верхняя черта последней буквы ложилась точно под предыдущую. Тогда писарь поднёс бумагу к окну, чтобы удостовериться, что за эту черту не приняли росчерк.

— Вы оставите подпись? — спросила я, пока он выбирал место.

— Под тем, что вам сказал про журнал.

Я подвинула ему лист. Выше, в узком столбике с назначением, ещё стояло отпечатанное типографской краской «к уничтожению». Гарт подождал, пока я прикрою его промокашкой, и расписался внизу, рядом с Луком. Перо перестало скрести. Оба посмотрели на меня, и мне впервые пришло в голову, что я могу вообще ничего не делать с этой бумагой. Попросить Лука принести моё пальто. Взять договор со стола и написать на обороте, что на время описи меня

заменит кто-нибудь из старших библиотекарей. Дома в кухонном ящике лежало всё, что у меня имелось о Нере, и там же можно было запереть сегодняшний листок.

Я успела представить, как легко откроется ящик под моей рукой. А потом увидела, как очередной библиотекарь попросит у заведующего разрешение оставить один том. Заведующий протянет ему старый каталог. Я сама учила Лука при расхождении сперва сверяться с ним. При мне буквы в этой строке уже имели вес, их видели два человека. Завтра они могли остаться только на моей бумаге.

— Сколько нужно для отметки? — спросил Лук.

В его голосе слышалась надежда, что я выдам ему длинную работу и он сможет сидеть у стола, пока куртка на дальнем крючке сохнет от пара.

— Всё уже есть. Подвинь чернила.

Я перечеркнула старое назначение одной тонкой чертой, чтобы его видели и дальше. Рядом написала «задержан при описи». В клетку для хранителя вошли имя и фамилия. За ними оставалось место на две короткие цифры. Я внесла туда день вывоза. Гарт прочитал поверх моего плеча, не касаясь меня. Дюжина суток казалась достаточной, пока её не записали.

Орем потянулся к договору. Я придержала край бумаги, прежде чем он успел её сложить.

— Здесь есть место для расписки о прибытии. Позвольте мне оставить её у себя.

Он оторвал нижнюю часть по сгибу. На ней уместились его имя, печать конторы и два слова от руки о том, что он прибыл. Он протянул клочок мне и уже собирался убрать большой лист.

— Ваше имя я прочла, — сказала я. — Сестру вы пока ни разу не назвали.

Лук встал со стула, взял пустую кружку и ушёл в кухню. Скрип его шагов оборвался у самой двери. Я видела в чистом углу стекла его рукав.

Гарт перестал складывать бумагу.

— Нера, — сказал он.

Дома я произносила её имя у ящика. В библиотеке о ней говорить было не с кем. У Орема первый слог вышел короче, чем у меня. Я вспомнила, что именно так её окликали с улицы, когда приходили за ней из лазарета.

Я придавила расписку чернильницей, чтобы она не свернулась.

— Тогда побудьте здесь, пока я найду полку для Нериного журнала.

Он положил договор рядом с чернильницей. Я поставила печать на бирку. Восковая кайма ещё мягко отдавала под пальцем, когда я попросила Лука принести оба ключа от клетки.

Глава 2. Ключ от клетки

Лук вернулся с двумя ключами и курткой, перекинутой через руку. На рубахе у локтя проступило тёмное пятно. Я снова посмотрела сгиб. Пятно оказалось мокрым от кружки, которую он прижал к себе в кухне.

— Я до вечера останусь, — сказал Лук. — Вы же там одна дверь не откроете.

Клетка стояла за переплётной, куда вели две узкие двери. У первой сломался крючок, и она падала в проём, стоило потянуть за вторую. До сих пор мы носили туда только мелочь и умудрялись распахнуть обе, подложив под первую сложенный картон.

— Орем поможет. А куртку оставь мне.

Лук подал её разрывом вверх. Мать купила её навырост, хотя за зиму он прибавил только в ширину. С оборванного сгиба свешивалась нитка. Она была длиннее его мизинца, и он намотал её на палец, ожидая, что я скажу.

— Новая будет такая же. Или возьмём серую, если надоела синяя.

— Мама серую не разглядит из окна.

Он пошарил в кармане. На стол легли два каштана и бумажная полоска, которой он отмечал ряд в каталоге. Один каштан был глянцевый, второй весь в царапинах. Лук помедлил и забрал оба.

Орем отнёс своё пальто к крючку. Я ждала, что под ним окажется что-нибудь вроде формы. На нём был серый жилет без одного перламутрового пуговичного кружка. Ворот рубахи разошёлся на один стежок. Меня занимало, умеет ли он сам зашить, и пришлось дважды переспросить, слышит ли он меня из-за шкафа.

— Слышу. Вы сказали, нужна доска шире.

— Шире этой. Чтобы при переноске застёжка вообще ни к чему не прикасалась.

На полке нашлась старая доска от пресса, с выемками под пальцы. Орем поднял её и поднёс к столу. Тяжёлое дерево в его руках повернулось плавно, но он поставил его с такой осторожностью, с какой Лук ставил на плиту полный чайник.

— Положим сверху вашу доску?

— Переложим журнал. Иначе узкая будет ездить. Встаньте здесь, я подниму с корешка, а вы подведите широкую.

Гарт занял указанное место. Лук шагнул к нам, прижав ключи к груди. За дверью скрипнуло, и в сортировочную потянуло холодом. Я подняла глаза на верхнюю полку. Вдоль стены шёл сквозняк, от которого бумажные уголки то приподнимались, то падали обратно.

— Лук, прикрой наружную дверь. Потом вернись за биркой. В клетку пойдём вместе.

Он положил ключи подальше от досок. Первый тяжёлый щелчок за дверью заставил меня крепче взяться за корешок. Гарт сразу опустил свой край. Мы постояли над книгой, пока в комнате расслышалось тиканье часов.

— Если скажете «держи», — спросил он, — оставить вес у вас или взять себе?

— Оставить. Я скажу «берите», когда можно взять.

Нижняя крышка чуть провалилась под моим пальцем. Чёрная кожа под ногтем была тонкая, с зерном. Я приподняла том всего на ширину ногтя. Орем подал доску, пока края не сошлись. Когда журнал лёг на дерево, его рука оказалась рядом с моей. Большой палец у него был испачкан синей краской от клочка ткани. Хотелось снять её влажной тряпкой. Я чуть не взяла его за руку, прежде чем поняла, о чём, собственно, думаю.

— Теперь берите, — сказала я.

Он принял весь вес, а я успела вложить между его пальцем и краем доски полоску войлока. На углу отслоилось дерево. Неделю назад я вытащила оттуда занозу собственным перочинным ножом и так и не отдала доску на шлифовку.

— Благодарю, — сказал Гарт.

Поддерживать уже было нечего. Я убрала руку.

Нижний коридор ещё не протопили. В узком окне над лестницей дрожала вода, стекавшая по наружной раме. Лук держал первую дверь, я открыла вторую. Орем шёл боком, выставив доску на уровень пояса. Когда доска поравнялась с ручкой, он остановился и дождался, пока я заверну её внутрь. Из трёх нас только Лук в этот момент помнил про бирку. Он быстро просунул её в карман фартука и подхватил первую дверь плечом.

За переплётной пахло засохшим клеем. Клетку собирали для ящиков с опасными книгами, поэтому у неё был широкий порог, на который доска легла с первого раза. За прутьями виднелась пустая средняя полка. Наверху лежал ящик с книгами, которых прошлый хранитель боялся так сильно, что прибил крышку гвоздями. Как он собирался потом их открывать, я понятия не имела. По стенке тянулась полоса света от фонаря, и на миг все стёкла старого клеевого шкафа засветились сразу.

— Сюда ладонь не кладите, — предупредила я. — Прут у края расшатан.

Гарт поднял локоть повыше. Доска ушла на полку почти вся, снаружи остались выемки под пальцы. Жёлтый стежок оказался обращён к двери. Мне было достаточно чуть присесть, чтобы увидеть его за решёткой. Я присела и посмотрела ещё раз, пока Лук отвязывал от пояса бечёвку.

Бирку мы закрепили на пруте у замка, печатью наружу. Лук прочитал отметку дважды и заметил, что я забыла записать, куда открывается дверца. В прошлый раз на том же месте мы с ним спорили, можно ли закрывать клетку изнутри. Ему тогда было важно удостовериться на собственном опыте. Теперь он приподнял дверь снизу и придержал, пока я закрывала замок.

— Первый ключ у меня, — сказала я. — Второй висел у Лука. Впиши поперёк старой строки, что отдал его мне.

Орем опустил фонарь на верстак и повёл плечом, на котором остались дырки от знака. У того, кто носил сумку по очереди на обеих сторонах, плечи уставали одинаково. Этот берёг одно. Я заметила это ещё у стола, когда он держал руку Лука под локтем.

— Где будет запасной ключ? — спросил он.

— Положу в шкафчик у выхода, под мою печать.

— Если пожар?

— Бьёте стекло шкафа. Большая железная створка в конце коридора выходит во двор. Покажу.

Он повернулся в сторону створки, потом снова к клетке.

— Тогда к ней я один не подойду. Если придётся бить стекло, зову вас или Лука. При огне открою выход и выведу людей.

— А если вас попросят открыть клетку по другой причине?

— Спрошу, где вы.

Он сказал это ещё глядя на дверь во двор, прикидывая дорогу. Для него я пока была человеком, которого полагалось искать живым. Мне стало легче при мысли, что в договоре нашлось достаточно места для этой простой вещи.

У выхода я заперла запасной ключ в стеклянном шкафчике и протянула через ручку ленту с печатью. Наружную дверь опять сдвинуло ветром. Лук снял куртку с крючка, прижал к груди и взглянул на меня.

— Пускай мама увидит, — решил он. — А то дома будет целая новая куртка, и мне придётся два раза объяснять, откуда.

Я накинула ему на плечи свой старый рабочий плащ. Он переспросил, во сколько завтра приходить, дождался обычного ответа и побежал, перескакивая ступеньку перед выходом. Плащ вздулся у него за спиной, как у первокурсника на первом щитовом занятии.

Гарт стоял за моим плечом. От него пахло совсем высохшей шерстью. Мне пришлось отойти, чтобы найти в стопке пропусков лист с его фамилией. Когда я вытащила чистый, он взял коробку на столе и поставил туда, где стояла кружка Лука. На полях описи появилось пустое место для локтя.

— Охраной долго занимаетесь? — спросила я.

— Почти три года.

— До этого служили?

— Да.

Он не добавил ничего. В уголке пропуска вытиснули башенку факультета. Я приложила палец к рельефу. Гарт снял с крючка пальто и расправил мокрые плечи на спинке стула.

— Здесь в первый день обычно показывают читальный зал, — сказала я. — После полудня приходят люди с полигона. У окон можно греться, а у батареи запрещено сушить рукавицы.

Он перевернул пропуск к свету.

— А где можно?

Я уже открыла рот, чтобы сказать, что за всю зиму никто из караульных не спрашивал меня об этом. Ответ оказался проще.

— Над чайником.

У Освина Рея были два ключа в кармане пальто. Когда он пришёл, я услышала их раньше его голоса. Один открывал шкаф для смет, другой зал совета. Оба он носил на одном кольце с маленькой бронзовой ложечкой. Ложечку он когда-то взял из нашей кухни и обещал вернуть, когда найдёт такую же себе.

— Ада, у меня курьер у ворот. Лист готов?

Я подала опись. Освин подошёл к окну, где свет в это время уже падал снизу от снега. У него всегда розовели веки, если выходил без очков. Сейчас очки висели на тесёмке. Он надел их после того, как дошёл до моей подписи.

— Чёрная книга из седьмого ящика?

— Да.

— Она уже была в старом каталоге.

Он отыскал на полке черновую книгу, раскрыл её у красной закладки и подвинул ко мне ногтем ту строку, которую хотел показать. «Повреждённое учебное пособие». Под строкой стояла одна косая черта. Так отмечали пустые графы, чтобы к ним больше не возвращаться.

— Если считаете, что стоит посмотреть, смотрите, — сказал Освин. — До вывоза времени хватит. В описи верните название по каталогу, иначе у нас на один предмет разойдутся бумаги.

— Каталожное название можно вписать рядом. Нынешняя запись останется.

— Тогда на весь факультет выйдет, что мы с вами сжигаем полевые журналы.

Гарт сидел возле двери и выводил своё имя на обороте пропуска. При слове «сжигаем» перо остановилось. Освин, кажется, заметил звук только потому, что тот пропал.

— Орем? — спросил он.

— Господин Рей.

Они поздоровались без рукопожатия. Мне хотелось запомнить, кто из них первый опустил глаза, но оба смотрели прямо.

— Вашу контору рекомендовали, — сказал Освин. — Уже случилось что-нибудь?

— Пособие порвало куртку помощнику. Я присутствовал, когда госпожа Вель занесла второй том из того же ящика в опись как спорный.

— Видите, как быстро вы начали работать, — сказал Освин.

Он улыбнулся. Гарт оставил перо на подставке, поднял взгляд на него и больше ничего не ответил.

Освин постучал ногтем по каталогу.

— Имя вашей сестры зачем попало сюда?

Я подвела ему край листа, где Лук записал смещённую застёжку и жёлтый стежок. На одном слове грифель продавил бумагу. Лук сильно нажимал на карандаш, когда боялся ошибиться.

— По этим признакам мы её опознали. Строку с прежним названием оставлю. Припишу, что оно из старого каталога.

— Сестру вашу знали на факультете. Если бумаги разойдутся, её начнут обсуждать в коридорах. Вы готовы ещё раз это выслушивать?

Освин говорил почти ласково. До сих пор я помнила, где он стоял, когда мне принесли копию донесения. Ему пришлось придержать дверь, чтобы я со свёртком не ударилась о ручку.

— Лист уйдёт городскому архиву, — сказала я. — В коридоре пусть говорят о куртке Лука. Это дело сегодняшнее.

Освин приложил очки к тесёмке и поискал, куда положить каталог. На столе для него оставалось место поверх описи. Он подержал книгу на весу и вернул её на полку.

Мне понадобилось два листа. На первом я повторила обе записи, старую и новую. Второй надписала «Сара Дорн, городской архив». Ниже попросила принять меня утром и посмотреть копию. Последняя строка ушла под уклон, пока я дописывала, что хочу передать журнал городу на хранение и узнать, что в нём записано. Освин стоял у окна, глядел, как курьерова лошадь у ворот скребёт копытом снег. Перо цеплялось за бумагу там, где я потянула строчку к себе слишком рано. Пришлось снова сесть и внятно написать фамилию сестры.

Гарт перехватил курьера у двери и привёл к столу. Курьер хотел задвинуть оба листа в сумку сразу. Я придержала верхний за угол.

— Напишите, что их два. Сара должна получить и письмо, и опись.

Курьер раздвинул бумаги. Рядом с именем Сары он поставил двойку, потом оторвал от корешка расписку. Гарт взял её, пока я отпускала угол.

— У ворот снег в бутылку набрать, или воды дадите? — спросил курьер.

— Дадим, — сказала я.

Пока Гарт провожал его в кухню, Освин снял с пальца кольцо с ключами. Маленькая ложечка ударилась о подоконник один раз.

— К утру проверьте подписи, — сказал он.

— Они уже стоят.

Он убрал ключи в карман. Снег за окном стал серый, а в отражении над столом верхняя полка выросла на целый ряд. Освин убрал руку с подоконника и ушёл. После его ухода оказалось, что нам с Гартом ещё предстоит убрать зелёную книгу, которая начала этот день с попытки съесть куртку.

У двери хлопнул клапан сумки. Курьер допил воду и вышел. Гарт подождал, пока стук копыт стихнет за воротами, и положил у моего локтя курьерскую расписку.

Теперь строка существовала в двух экземплярах. Второй ехал в город.

Глава 3. Открытая строка

Сара Дорн сушила на печке три пары варежек. Две взрослые, одна с вытертой серединой ладони. Детская пара лежала на подоконнике, видимо, уже высохла. Сара разгладила её и убрала в карман прежде, чем пригласить меня к столу.

Гарт остался в коридоре по моей просьбе. Я ждала, что он хотя бы спросит, когда прийти за мной. Его пальто было снова мокрым, на этот раз по спине. Он шёл чуть сзади по той стороне улицы, куда с домов сходил снег. На крыльце архива он стряхнул с воротника целую горсть. Когда я попросила дать нам с Сарой поговорить вдвоём, он сел на скамью и расстегнул верхнюю пуговицу.

— У нас до открытия ещё час, — сказала Сара. — Вы тут можете разложиться, если принесли что-нибудь.

Копию донесения я несла между двумя листами картона. Бечёвка за ночь прорезала верхний угол, пришлось развязывать её с изнанки, чтобы не зацепить лист. Сара отодвинула чернильницу и положила рядом камешек с речного берега. Его обточили до плоской подошвы. Им можно было прижать самый упрямый уголок, не расплющив печать.

— Курьер вчера привёз вашу просьбу. Это та самая бумага, по которой вы в прошлом году запрашивали маршрут?

— Та самая.

В прошлом году в конверте мне прислали схему отрезка дороги и сводку погоды. На схеме Лисий овраг был обозначен двумя параллельными штрихами. Я прикинула, сколько бумаги стоил мне каждый из них, и сложила схему обратно. Донесение никому не доверяла. На нём даже пятно от прошлогоднего дождя было моё.

Сара прочла дату и перевернула лист, чтобы рассмотреть, где поставлена отметка о копировании. Шерсть её рукава зацепилась за серый край картона. Мне хотелось вытащить оттуда нитку, пока не потянулась вся петля.

— Почему вы теперь хотите открыть журнал?

От печки веяло теплом в левый бок. Правую руку я так и держала на картоне.

— В донесении Нера вышла из группы без разрешения, — сказала я. — Осталось четыре строчки до конца листа. В них уместились поиск, его прекращение и причина. «Следов возвращения к группе не обнаружено». Если открывать журнал по порядку, в нём хотя бы будет видно, где она ещё что-то успевала записать.

Сара положила на угол гладкий камень.

— Копию донесения можно приложить. Хранить её у себя вам придётся столько, сколько вы привыкли.

— Мне нужно, чтобы здесь хранили журнал. Через одиннадцать дней вывезут ящики. До тех пор я могу держать его в клетке.

Сара собрала выступающие листы под ладонью. У неё были короткие ногти без заусенцев. Я не могла отвести взгляд от этих рук, пока она не подняла голову.

— Я могу подать вашу просьбу в комиссию, — сказала она. — Сначала просите временно принять вещь. Позже комиссия отдельно решит, открывать ли застёжку. Если разрешит, печать приложат на самом слушании. Тут обе просьбы в одном письме, и мне его могут вернуть целиком.

Она развернула принесённый вчера лист. Там, внизу, уехала под уклон моя последняя строчка. Я писала, что хочу передать журнал и узнать его содержание. На бумаге стояло это ровно в таком порядке, в каком я представляла себе счастливый исход, пока Освин смотрел в окно.

— Сколько ждать между первым и вторым?

— Для первого нам достаточно понять, что журнал может быть тем самым. Для второго будет отдельное заседание. Скажем, что владелица значится пропавшей больше пяти лет, и приложим основание. Ваша просьба подойдёт. С живым автором мы попросили бы согласие.

Я провела ногтем по краю картона.

— Пока жду второго заседания, его можно будет кому-нибудь выдать?

— Только по решению комиссии. Ищете своего человека на случай, если заведующий пришлёт кого-нибудь за книгой?

На столе лежали две расправленные варежки, всё ещё влажные у запястий. Сара потянула одну за нитку, и большой палец вывернулся наружу.

— Вчера я искала человека на случай, если сама попытаюсь её унести, — сказала я.

Сара перестала выворачивать варежку. Большой палец торчал между нами.

— Впервые нашлась её вещь, и вы пришли ко мне, — сказала она. — Хорошо, что пришли пешком и с бумагой.

Я засмеялась, хотя смысла в этом сначала не уловила. Потом представила, как приехала бы к ней ночью на чьей-нибудь лошади, с Нериным журналом за пазухой и прищемлённой рубахой, и засмеялась ещё раз. Сара дала мне отдышаться. У неё самой сдвинулся в сторону угол рта.

— Что вам нужно про журнал? — спросила я.

— Нужно письменное опознание и след, который остался до вашей описи. Запись о выдаче, например. Начните с того, кто сам выдал журнал.

— Тот, кто выдал, на скамье в коридоре.

Сара перевела взгляд на дверь. Из-за неё доходил слабый шорох. Кто-то сдвинул половик у входа. Гарт сразу передвинул ноги, чтобы пропустить, и я услышала, как каблук опустился на доску.

— За него вы готовы подписаться?

— Он при мне узнал книгу и назвал признак.

— Пусть напишет сам. Где ему выдали книги, у кого он их получил. Чем эта отличалась. Если останется только его слово и ваши стежки, решать всё равно комиссии. Прошивку они смогут сверить уже на заседании, если придётся.

Сара пододвинула мне пустой лист. С левого края она провела короткую черту ногтем, показала, где оставить поле. До открытия архива было тихо. Я переписала просьбу, и на этот раз последнее слово вышло на той же высоте, что и первое. Сара добавила на обороте отметку, что приняла обращение. Донесение я опять завязала между картонками. Камешек остался на столе.

В коридоре женщина с двумя детьми поправляла одной рукой половик. Мальчик снял левый ботинок и держал его за задник. Гарт сидел перед ним на корточках и вытряхивал из ботинка мокрый снег. Когда я вышла, он придержал пятку мальчика пальцем и помог вдеть ногу. У мальчика были такие же варежки, как те, что Сара убрала в карман.

— Можно идти, — сказала я.

Гарт встал, мальчик опустил ногу и услышал, как хлюпнуло. Он улыбнулся нам обоим. Я поймала себя на том, что улыбаюсь в ответ, и отвернулась первой.

Мы спустились со ступенек на улицу. С правой стороны под крышами уже опять падал снег, мягкими плотными кусками. Гарт протянул руку к картону.

— Нести?

Я прижала свёрток к груди, прежде чем ответить. Он тут же убрал руку. Мне захотелось всё-таки отдать ему свёрток и минуту пройти пустой, но в нём лежал лист с его подписью. Я ещё ни разу никому не говорила, сколько времени потратила, чтобы выкупить эту копию.

— Спасибо, — сказала я. — Я донесу.

Мы пошли по середине улицы, где снег укатали колёсами. Теперь он шёл рядом.

На стекле шкафчика у выхода печать держалась одним краем. Ночью отсырела бумажная лента, которую я протянула сквозь ручку. Воск оставался цел. За стеклом ждал запасной ключ. Я попросила Гарта запомнить, как лежит лента, и пошла за клеем.

Лук пришёл вовремя. В моей рабочей накидке он добрался от дома, а под ней была коричневая куртка с отцовского плеча. Рукава пришлось подкатать до запястий. Он выяснил, что рука разгибается, и успел вернуть зелёную книгу в ящик при утреннем дежурном. Дежурный держал доску, Лук придерживал край ящика и гордился тем, что на этот раз указал ему, куда ставить локоть.

Я устроилась возле шкафа с кистью и дала ему рассказать всё до конца. Гарт, сняв жилет, сложил его на спинку стула. На рубахе между лопаток, ровно по шву, было мокрое пятно. Он заметил, что я стою с клеем и смотрю туда, и повернулся вполоборота.

— Позже вам нужно будет написать про журнал, — сказала я. — В архив. С подробностями. Подпись в описи подтверждает то, что было здесь. Город хочет знать, откуда вы его тогда взяли.

Гарт посмотрел на Лука.

— Ты нам нужен ещё на четверть часа. Сможешь держать лампу?

Лук снял её с гвоздя и двинулся к переплётной.

— Про выдачу напишу, — сказал Гарт, когда шагов стало почти не слышно. — Понадобится посмотреть застёжку ещё раз. Если хотите про выход группы, сейчас я отвечу плохо.

Он положил ладонь на спинку стула, рядом с жилетом. Так он мог просто взять его и уйти. За окном на сетке крыльца висела длинная тень от поручня. Ещё немного, и снег с поручня сойдёт в пустую чашку, которую утром забыли на ступеньке.

— Плохо для кого?

Он провёл большим пальцем по краю жилета. На тёмной ткани закачался обрывок нитки возле пустой петли.

— Про то, как я выдал журнал, мне достаточно памяти. Про выход понадобится сесть и вспомнить весь день. Я давно этого не делал при другом человеке.

Я опустила кисть в клей и размазала его по отсыревшей полоске. Край прилип к дереву. Шкафчик при этом тихо отозвался ключом, задевшим стекло.

— Про выход я спрошу отдельно, — сказала я. — А сегодня мне хватит выдачи. Пойдёмте к Луку.

Он дождался, пока я уберу кисть. За переплётной Лук уже поставил лампу на пустой клеевой горшок возле клетки. Над горлышком торчали щетинки засохшей кисти. На его месте я бы поставила лампу прямо на полку и закрыла журнал собственным плечом. Лук успел сообразить, что нам всем понадобится видеть.

Дверца клетки открылась на ладонь и стукнула о доску пола. Гарт присел и приподнял её снизу. Я вывела доску на порог, не вынимая из клетки. Лук опустил лампу, и медные головки у застёжки выступили на свет. Под нижней были ещё две маленькие ямки. Их пробили, когда только примеряли петлю. Гарт повёл пальцем над кожей, повторяя линию от ямок к заклёпкам.

— В ящике эта лежала в отдельном чехле. Помню, ещё подумал, что по ошибке принесли кому-то чужую. Сдвинь лампу, пожалуйста.

Лук обошёл его и осветил угол. Гарт развернул руку ладонью вверх и изобразил, как откидывал язычок при выдаче. В таком положении под ним оказался белый шрам. Я снова его увидела. Рука лежала ровно, но шрам у основания большого пальца сморщился, когда он согнул сустав.

— Этого хватит? — спросил он.

— Для опознания да. На заседании попросят того, кто вам их привёз. Вспомните хотя бы мастерскую.

— За ящик я расписывался у нас. Спрошу, где запись.

Лук поднял лампу. Свет прошёл по корешку, потом по доске. На жёлтой нитке что-то блеснуло совсем рядом с воском.

— Стой, — сказала я.

Лук застыл. Над ниткой торчала небольшая кожаная накладка с круглыми плечиками. Часть её края была светлее остальной кожи. При верхнем свете этот край сливался с корешком. Теперь под ним виднелся конец другого шва, тонкий и потемневший.

— Это ваша сестра? — спросил Гарт.

Я провела ногтем по доске, отметив место, где след начинался. Жёлтый стежок уходил под тёмную нитку, та прихватывала его поперёк. Нера прошивала с большим запасом. Отремонтировать её сумку можно было, распустив половину, и узел всё равно держался. Здесь кто-то вынул только часть жёлтой нитки и закрыл повреждение накладкой. Он оставил снаружи тот самый длинный ус.

— Жёлтое её, — сказала я. — Накладка от другого ремонта.

Гарт приблизился, разглядывая, как лежат нитки. Он прислонился плечом к раме клетки. Теперь я могла бы провести пальцем по мокрому шву на его рубахе, если бы подняла руку. Я взяла доску за выемку.

— Кожу пока не поднимаем, — сказала я. — Лук, найдёшь тонкую бумагу? Снимем очертание края.

У Лука в фартуке оказался мятый лист. Он разгладил его на доске и сложил вдвое. Гарт поднял один край листа к корешку и держал на весу. Лук подвёл лампу сбоку. Сквозь бумагу проступила линия накладки. Когда я обводила первый изгиб, я видела ногти Гарта у самого края листа.

Мы обвели накладку на обеих половинах листа. Я разделила их по сгибу. На моём рисунке одно плечико вышло круглее другого. Хотела поправить линию, но под лампой обнаружился тот же скос. Там, где плечико срезали, нож мог задеть старую кожу. Нера оставила бы край таким только в спешке. Я положила рисунок ближе к корешку. Жёлтая нитка уходила точно под этот скос.

Гарт опустил руку. Карандаш перекатился по доске и лёг поперёк моего наброска.

— На моей памяти она была без этой накладки.

Я подняла голову. Он всё ещё смотрел на корешок.

— Когда выдавали?

— Да. С жёлтой ниткой. Там и ждать было некогда, пока починят как следует.

За его спиной Лук поставил лампу обратно на клеевой горшок. Сквозь коричневые рукава уже снова проступали его тонкие запястья. Под накладкой помещалось время, которого не было в нашей описи. Может, день до выхода. Может, много больше. Больше всего мне хотелось взять нож и поддеть край сразу.

Я задвинула доску на полку и заперла клетку. Один рисунок отдала Луку.

— Начни с нашей полки мелкого ремонта. Всё, где найдёшь накладку такой формы, положи отдельно. Даже если покажется, что не сходится один угол.

Он пошёл к полкам, уже прикидывая вслух, с какого ряда начать. Я сложила второй рисунок рядом с распиской из архива. Вчера я могла показать, где нашли книгу и по чему её узнал Гарт. Сегодня я могла искать того, кто зашил её после Неры.

Глава 4. Зазубрина

Лук принёс три книги и разложил их по росту. У самой маленькой под корешком торчал хвост красной нитки. Теперь, когда я знала, что ищу, мне хотелось сразу вытащить его подлиннее.

— По одному уголку подходит у всех, — сказал Лук. — Вы ведь так просили. Я ещё две оставил, у них накладки без плечиков.

За ним стояла Ильна, новая помощница из кабинета карт. Ей дали поработать у нас до закрытия. Утром она успела спросить меня, почему у нас на седьмой полке меньше книг, чем в каталоге, и найти две лишние на восьмой. Теперь держала локти при себе и смотрела, как Лук раскладывает доски. Она слышала, что с ним случилось. С порванной курткой по академии ходили только рассказы, и к обеду у книги успели вырасти белые клыки.

— Начнём с маленькой, — сказала я. — Лук, покажи, куда ставить руки. Потом сверим накладки.

Ильна подвернула рукава. Каждый оборот лёг ровно поверх предыдущего. У Лука из отцовской куртки и после утренней возни торчали два широких обшлага. Он снял её и положил на подоконник.

— Я вчера сунул палец сюда, — сказал он, показывая карандашом на петлю. — Она меня за палец не поймала. Схватила рукав. Так что смотреть надо сразу на всю руку.

Он говорил негромко и следил, чтобы Ильна видела петлю с его стороны. Когда я объясняла то же самое до начала описи, он глядел на книги и ждал, пока я разрешу ему что-нибудь взять. Сейчас ему нужно было дождаться, пока другой человек поймёт.

Для пробы я привязала полоску холста к тонкой деревянной планке. Ильна под моим присмотром положила свободный конец на нижнюю крышку. Я надавила на застёжку длинной лопаткой для клея. Корешок вздрогнул. Верхняя крышка села на ткань с тихим стуком, от которого Ильна обеспокоенно оглянулась на дверь.

— Слышали? — спросила она у Лука.

— Сейчас ещё будет. Отпустите планку чуть ближе к книге.

Холст провис. Крышки замерли. Лук придвинул доску снизу, Ильна отвела планку. Полоска вышла с ровной вмятиной поперёк. Девушка подняла её к лампе.

— Вчера вот так было?

— Вчера я дёргал.

Она протянула ему холст, чтобы он сам посмотрел след. Лук согнул его точно по вмятине. Я думала, он скажет что-нибудь про свой локоть или про то, сколько времени держалась книга. Он дал Ильне доску и попросил её повторить без его рук.

Орем стоял у стойки выдачи. За дверью ждали курсанты. Он пропускал по двое, и голоса в зале не сливались с голосом Лука. На минуту всё устроилось так, как у нас редко выходило даже без кусающихся томов. Можно было стоять у стола с неясной вещью и расслышать, как её объясняет человек в полушаге от тебя.

Следующий том был шире маленького. Накладка у него шла по всей нижней стороне корешка. Я подложила рисунок и прикрыла ладонью три лишних угла. В таком виде самый широкий изгиб был похож. Стоило убрать руку, и сходство пропадало.

— У него под накладкой что? — спросила Ильна.

— Корешок треснул при сгибе. Видна сама трещина. У нашей книги ремонт выше.

Она переставила лампу. И теперь стало видно, что при попытке освободить ткань она всякий раз ставила доску на выступ накладки. Перехвати она том снизу, кожа поехала бы вместе с рукой.

— Доску можно выдвигать, — сказала я. — Подгонять к каждой книге, пока стоишь с нею на весу, неудобно. Надо дать опоре место заранее.

Лук подложил под крышку две короткие рейки. Накладка пришлась в просвет, и доска свободно прошла под ней. Ильна снова подала планку. Когда ткань зажало, она уже не смотрела на дверь. Дождалась, пока холст провиснет, и вывела его к себе. На этот раз даже вмятины почти не осталось.

У третьего тома буквы на переплёте давно осыпались. Накладка была узкая, с округлыми плечиками. Я повернула рисунок. Скос у плечика шёл в другую сторону.

Ильна заметила, что я медлю, и подождала. Потом принесла доску пошире и сама отодвинула свечу от ткани. Я опустила лопатку. Раздался привычный стук. Приподнятой планке хватило веса, чтобы ткань легла слабее. Она пошла свободно, и тут из неё выщипнуло длинную серую нить.

Ильна остановилась с планкой на весу.

— Я всё ещё тяну?

— Положи её.

Лук присел. Оттуда ему было видно застёжку сбоку. Он показал карандашом на медный угол. Угол отогнулся наружу и кончался тонкой зазубриной. Холст зацепился за неё, когда чары уже отпустили. С этой глубины я могла достать нить щипцами для фитиля. Достала и положила рядом с разрезом. Их увидели сразу оба.

— Так и вчера могло быть? — спросил Лук.

— Вчера была целая петля и новый разрыв. А эту застёжку надо менять. Подвинь планку к лампе. Видишь, как нитки торчат?

Он подвинул её под лампу. Холст побелел вокруг прорези. Лезвие оставило бы гладкий край. Здесь нитки торчали по одной, и Ильна осторожно провела пальцем над ними.

— Даже когда хорошо делаешь, — сказала она.

Лук собрался было возразить. Потом вынул из-под крышки рейку и положил рядом с серой нитью.

— Эту и хорошо делать пока не надо.

Я перевернула выдачный ярлык чистой стороной, написала на нём «ремонт застёжки» и зачеркнула прежнее место на полке. Ильна отнесла книгу на отдельном подносе к стене, где у нас ждали переплёта щиты, пазовые атласы и старый молитвенник, который кусаться не умел, но ронял из себя гвозди. Её поднос оказался самым широким. По краям осталось достаточно места, чтобы взять книгу, не думая, какая часть переплёта сейчас двинется.

Когда Лук принёс мне записку об испытании, вверху стояла та же семёрка с двумя перекладинами. Семь книг они успели просмотреть, три принесли. Под двумя строчками, которые он записал сухо и правильно, было приписано гораздо мельче: «Ильна вывела ткань сама». Я поставила подпись прямо под этой припиской, выписала заявку на новую застёжку и попросила Лука утром отнести обе бумаги заведующему. Ильна услышала своё имя и с дальнего стола стала уточнять, разрешу ли я завтра снять мерку с ремонтного подноса. Лук ответил за меня, что разрешу, если они заранее приготовят доску.

К вечеру от лёгкой куртки Лука на моих коленях осталось ещё меньше. Я вывернула рукав, и выдранные края завернулись внутрь. Для новой куртки надо было знать длину между плечом и сгибом. Синяя ткань под локтем тёрлась о мерку.

Гарт поставил на стол короткую доску.

— У меня есть осколок подлиннее, если эта мала.

— Откуда?

— Из ящика, которым весь день подпирали наружную дверь. Попросил у столяра нижнюю доску, пока он не пустил её на растопку. Остальные пригодятся на подпорку.

Дерево было широкое и тёплое от печи. Гарт подвинул его так, чтобы мне был виден лёгкий изгиб посередине.

— Журнал можно на неё положить, не зажимая угол у накладки. Ещё руки по краям поместятся. Примерите, пока я держу?

Я отложила куртку. Доска с одной стороны переваливалась через сучок. Стоило перевернуть её, сучок поднимался вверх и ложился туда, где должен был быть корешок. Можно было снять его ножом, но я выбрала поставить по бокам две гладкие рейки и оставить середину свободной. Гарт придержал их, пока я подвигала на доске свёрнутый кусок холста. В нужном положении обе руки спокойно выходили из-под свёртка.

— Сделаем съёмными, — сказала я. — Тогда доска ещё куда-нибудь годится.

Он провёл ногтем туда, где рейка кончалась у края. Я поставила карандашную отметку рядом, его рука осталась на месте.

— Вы закончите сегодня? — спросил он.

Мне и в голову не пришло, что он говорит о чём-то, кроме доски. Я начала объяснять, что до утра трогать журнал не буду. Гарт дёрнул уголком сложенной ткани. Скатка чуть повернулась и замерла в деревянной выемке.

— Я про вас. Есть время поужинать?

На стойке уже звякнул колокольчик. Сменщик Орема заглянул в дверь, принял от него книгу охраны и ушёл проверять, закрыта ли створка во двор. На груди у Гарта осталась тонкая цепочка от пропуска. Он снял её через голову и положил рядом с карандашом.

— Мне обещали в кухне тарелку супа, — сказал он. — Там есть ещё одна. Я утром думал спросить, и вот только теперь спросил.

Я посмотрела на куртку. Можно было сказать, что весь вечер промеряю рукава. На деле длинный рукав у меня уже был записан, короткий отличался только дырой.

— Если сумеете отыскать хлеб, — сказала я, — тарелку возьму.

Хлеб лежал под полотенцем. Я вчера спрятала туда засохший край себе на утро, а сегодня Гарт разыскал под ним целую буханку. Хрустящую горбушку положил мне. Я отломила половину и подвинула к нему. Под ногами в кухне держалось тепло, которого с утра здесь не было. На подоконнике сохли луковые шкурки, а в пустом тазу на плите пощёлкивала остывающая жестянка.

— Куртку новую купите? — спросил он.

— Обещала. Эту мать захочет зашить. Будет ходить в ней у себя во дворе.

— Мой отец латал мне бока сапог, пока через носки можно было смотреть на улицу. Я нарочно поднимал ногу повыше и говорил, что на улице ясно. В конце концов он пришил кожу изнутри и заставил назвать погоду на ощупь.

Я откусила хлеб и вдруг захотела узнать, что Орем тогда сказал отцу. Спросила.

— Град, — ответил он. — У меня под языком сапога оставался песок.

Раньше я думала, что мне будет проще расспрашивать его, если представить молодым. Время, когда он жил с отцом и распускал шнурки по дороге домой, я до этого не представляла. У печи Гарт разулся бы, если бы здесь можно было разуться. Под прямым швом жилета выступило ребро, когда он нагнулся за крошкой. Ему не пришлось даже приглаживать ткань.

— Вы сами умеете зашить куртку? — спросил он.

— Умею. Нера бы сшила быстрее. Она бы уже спорила с Луком, красной или оранжевой ниткой.

Гарт убрал хлеб от тарелки и посмотрел на меня прямо. Я успела решить, что опять придётся сказать имя первой.

— Она один раз зашила чехол для котелка красной ниткой, — сказал он. — У всей группы были одинаковые. Нера свой находила в темноте, а остальные всё равно полагали, что надо смотреть на цвет. Она там большой узел оставила.

Я положила руки на колени. Обычную Неру за все эти годы мне возвращали чужими словами всего несколько раз. Всякий раз выходило, что у неё была такая улыбка, такая походка, такая привычка подставлять под воротник палец. От Гарта достался маленький простой узел. Я почти слышала, как она советует искать его левой рукой. Так можно было узнать про неё дома, если бы она ещё жила дома и наутро сама забрала котелок.

Тарелка у Гарта уже опустела. Он подержал её за край и отодвинул, чтобы я могла поставить локоть на стол.

— Нашёл человека, у которого книга выдачи, — сказал он. — Орса пустит нас завтра утром. Книгу можно смотреть только при ней.

— Вы ей сказали, кто я?

— Что заведу к ней библиотекаршу, у которой есть номер дела. С остальным поговорите сами.

На плите стукнула жестянка. Мне полагалось вернуться к столу и унести в ящик четыре оборванных конца нитки, пока Лук с утра не приклеил их к новому ярлыку. Я сидела, удерживая ложку в тёплой ладони.

— Завтра возьмём мой рисунок, — сказала я. — Если в книге пометили, что застёжка сбоку, будет с чем сравнить.

Гарт подался за карандашом, потом вспомнил, что оставил его у доски. Я поднялась и принесла оба карандаша с сортировочного стола. Он взял тот, который лежал ближе к моей руке. Я осталась с другим.

У меня в руках уже был список дел на утро. Внизу я отвела место для имени Орсы. Выше успела вывести «опознание». Гарт придвинулся ближе, чтобы прочесть, и пальцем показал на свободное место рядом.

— Там напишите, что приду я.

Глава 5. Книга выдачи

Утром Гарт ждал меня у кладовой с листом бумаги под воротником. В нижнем коридоре дуло так, что мне самой пришлось ловить шаль. Он отступил к стене и высвободил лист. На бумаге осталась складка от застёжки пальто. Кто-то уже успел начать на ней письмо и зачеркнуть всю первую строку.

— До Орсы ещё есть время, — сказал Гарт. — Можно взять у вас чернила? Здесь замёрзли.

Пальцы у него покраснели возле ногтей. Ключ от кладовой в двери ходил туго, и внутри уже слышалась ругань. На дальней скамье двое курсантов притопывали ногами. Я прижала к себе свой рисунок с накладкой, чтобы черновик Гарта не завернулся под него.

— У окна есть стол. До него дальше, зато на спину дуть не будет.

Он подобрал с края скамьи чернильницу. На нашем столе чернила ещё были жидкие, но из вежливости я не сказала об этом. Свою чернильницу он обхватил ладонями и понёс следом. Через минуту у него между пальцами выступили капли.

Широкий подоконник в башенном переходе когда-то сделали для стрельбы из пищали. Теперь на нём лежали карандаши, порченая промокашка и перчатка, которую искали с первого снегопада. Я отодвинула перчатку. Гарт положил лист на подоконник и прижал углы чернильницей и моей промокашкой. Незачёркнутые слова стояли тесно. Видно, начал писать там, где лист помещался на колене.

— Прочтёте? — спросил он.

Под чёрной первой строкой я разобрала дату выдачи. Семнадцатое ноября. За день до её выхода из Сивера. Имя Неры стояло с краю, у самого сгиба. Гарт написал, что принял в кладовой ящик полевых тетрадей для группы, затем выдал Нере одну со смещённой застёжкой и жёлтым швом. Дальше стояли три слова: «При осмотре узнал».

— Можно сказать, что мы нашли её вещь? — спросил он.

Я смотрела на буквы, пока не перестала различать, где он соединил их пером.

— Можно сказать, что вы узнали её по этим признакам. Мы ещё не знаем, чья это вещь по каталогу.

— Это вы и без меня можете сказать.

— Я могу сказать, что она шила жёлтой ниткой. Я не носила за неё тетрадь.

Он повернул лист к себе и перечитал то, что оставалось ниже зачёркнутой строки. В проёме у лестницы появилась полоска света. Снаружи догорел фонарь. Я достала из кармана огрызок карандаша и провела на своём рисунке поперечную черту, чтобы обозначить корешок. Гарт придвинул лист туда, где мог видеть мой палец.

— Мы сверяли смещённую застёжку, — сказал он. — Про накладку тоже написать?

— Если ты уверен.

Он поднял глаза. Я услышала своё «ты», когда уже сказала последнее слово. Теперь можно было кашлянуть, посмотреть в окно и дать ему удобный выход. Я дождалась ответа, всё ещё держа карандаш на черте.

— Помню жёлтую нитку, — сказал он. — В чехле она цеплялась за подкладку. Толстой накладки тогда не видел.

Он вписал это, оставив место между двумя строками, чтобы в архиве можно было прочесть добавление. На подоконнике начинало припекать солнце. Под моей ладонью немного согрелось стекло. Гарт отодвинул пачку промокашек. Под ней нашёлся высохший обломок пера, который кто-то заточил с одной стороны и бросил. Он переломил его тыльной частью ножа и смахнул в пустой угол подоконника.

— Вычёркивать дату не будете? — спросила я.

— Орса может показать мне, что ошибся на день. Тогда подпишу другой лист.

Дата лежала у него на виду, а я всё равно видела другую. В донесении она стояла у слова «самовольно». Между ними было достаточно места для длинной подписи. Его рука на подоконнике двигалась так же медленно, как и тогда в моей памяти, хотя восемь лет назад я видела только след пера.

— Зачем вы зачеркнули начало?

Гарт приложил влажный палец к верхнему краю бумаги.

— Там было «по просьбе госпожи Вель». Убрал.

— Я действительно просила.

— Да. Бумага моя.

Внизу он оставил свой адрес при охранной конторе. Теперь его мог найти человек, который знал только, где ставят печать на договоре. Край пера зацепился за старый сгиб, капля ушла в волокно. Гарт вытер её промокашкой. Под ней осталась серая точка возле номера дома.

— У меня завтра другая смена, — сказал он. — Пусть Сара пришлёт к конторе, если ей надо будет что-то уточнить. На втором листе подпишу то же самое, один пусть останется у вас.

Он достал из кармана чистый лист. Теперь мог переписать всё набело. Вместо этого сначала расписался под исправлениями. В последней букве верхняя черта ушла под соседнюю. Точно так же, как восемь лет назад.

— Вы опять узнали росчерк, — сказал он.

— Он у вас заметный.

Обычно после этих слов люди улыбаются собственной важности. Гарт развернул ко мне подписанный лист. Теперь я могла ещё раз приложить палец к его фамилии. Я отпустила карандаш, который всё это время держала над своей чертой, и накрыла лист промокашкой. Гарт переписал показание на чистый лист и расписался ещё раз.

Орса оказалась ниже меня на голову. Щеколда в старой кладовой была поставлена высоко, и она доставала до неё короткой деревянной ручкой с крюком. Гарта она увидела из-за моего плеча. Ручка остановилась у самой щеколды.

— Вчера приходили один, — сказала она.

— Вчера договаривался за двоих.

Орса подвинула крюк и дала нам войти. В кладовой было теплее, чем в переходе. Запах овчины шёл от узкой лавки под стеной. Кто-то постелил на неё кусок старого полушубка. Лавка была повёрнута так, что со входа читателя всегда заслоняла дверца шкафа. Орса предложила мне сесть у двери, а Гарта попросила оставить нож у входа. Он снял ножны с пояса и положил на полку.

Книгу она принесла в руках, обеими ладонями придерживая нижнюю крышку. На тёмной коже белело слово «выдача», всё в трещинках. У корешка остались четыре глубоких борозды от полки. Я освободила место, подвинула чернильницу и положила книгу на сложенную овчину, которую Орса сняла с лавки.

— Семнадцатое ноября, — сказал Гарт.

— Память у вас хорошая, — отозвалась Орса.

— Восемнадцатого я уже был за воротами.

Она перестала отгибать переднюю крышку. В верхнем углу на внутренней стороне стояла старая буква «О». Орса коснулась её подушечкой пальца. В былые годы так же помечали вещи её предшественницы. Мне хотелось узнать, кто именно держал полевые журналы в тот день. Для этого сначала следовало дать ей открыть книгу.

Орса нашла ноябрь по цвету бумажной закладки. Синие полоски по краю истёрлись почти до белого. Шестнадцатого ноября выдали половину рулона холста, сломанный зажим и два ящика наконечников для учебных копий. Зажим забрали вместе с исправным и расписа-

лись одним именем. Под ним стояла пустая строка. Орса перевернула лист. С другого края начиналось восемнадцатое. Наверху записали вернувшиеся ножны, затем подшитые сапоги.

— А семнадцатое записывали? — спросила я.

Орса сама перевернула страницу обратно. У корешка, там, где ворс поднимался из шва, осталась узкая полоска бумаги. Она всё ещё сидела в прошивке и слегка подалась вслед за листом. Я положила на стол карандаш, чтобы больше его не держать.

— Сюда можно лампу? Гарт, с вашей стороны.

Он перевёл её ближе к краю стола. Полоска легла тенью на шестнадцатое. Орса взялась за угол страницы и ещё немного приподняла её. Наверху между цифрами оставался чистый срез. Ни клякс, ни обрывка буквы. Я различала, где нож прижался глубже и на обратной стороне целый лист вспух тонким жёлобом. Старый сгиб крошился от прикосновения, а этот обрезок до сих пор был ровным по всей длине.

— Номера листов? — спросил Гарт.

Орса убрала руку и придвинула книгу ко мне. На листе с шестнадцатым стояла тридцать четвёртая отметка. На следующем тридцать шестая.

— Кто держал книгу перед вами?

Орса так резко закрыла чернильницу, что стук крышки отдался по столу.

— До меня её держал кабинет снабжения. Тогда книги ещё стояли за дверью, где теперь выдают рукавицы. Это старый фонд. У нас у всех за эти годы руки могли быть на ней.

— Я спрашиваю, чтобы узнать, где искать копию.

Орса не ответила сразу. Она всё ещё держала крышку чернильницы под ладонью, побелевшей у большого пальца. С этой стороны было видно плохо вымытое пятно на рукаве. Чернила, зелёные от времени. Ещё недавно она работала за столом в другом конце комнаты.

— За несколько дней выдачи на отдельном листе мог расписаться любой, — сказала она наконец. — Иногда дневные записи переписывали к вечеру. Иногда мелочь так и оставалась у кладовщика на листке. За полевые ящики полагалось заносить в книгу.

Гарт взялся за край скамьи.

— Помню, что расписался за вес. Унесли ящик на двоих, потом мы его снова открыли.

— Что именно было на бумаге? — спросила я.

Он сжал пальцы. Лавка ещё не скрипнула, хотя доска прогнулась под двумя нашими плечами.

— Помню количество тетрадей на ярлыке. Саму запись нет.

Срез был достаточно узкий, чтобы спрятать его, если плотно свести страницы. Я могла попросить Орсу отстегнуть прошивку и посмотреть, остался ли на обрезке хоть след буквы. Пока она стояла рядом, я могла бы сказать, что потом сама всё пришью. Знала, что даже новые пальцы чувствуют, как меняется натяжение, если старый шов распустили. При нас никто не видел листа целым. Если теперь из книги уйдёт и эта полоска, Гарту останется помнить вес ящика и записывать его на любой бумаге, которую ему дадут.

Я отложила рисунок на край лавки и подставила ладонь под нижнюю крышку. Орса перехватила верхнюю. Мы положили книгу в овчину вместе. Она сдвинула её к себе и подвела под корешок тёплый край.

— Вы сможете записать, что видели? — спросила я.

Орса убрала лампу с края, чтобы перед ней образовалось свободное место.

— Что листа нет. Этого я от вас не узнала. Остальное напишете вы, если захотите.

Орса подтянула к себе бумагу и стала писать, поглядывая на книгу. Возле числа семнадцать перо у неё остановилось.

— «Видимых записей с этим числом при осмотре нет», — произнесла она. — Так я могу подписать.

Мне хотелось, чтобы в выписке осталось место, куда можно будет вписать Гартов ящик. Орса назвала последние вещи на соседних листах, холст и ножны, и записала их по сторонам пропуска. Теперь за эти края она могла поручиться.

Когда мы свели крышки, Гарт поднял с лавки мой рисунок и протянул мне.

— Если за ящик подписывались у другого стола, я узнаю его, — сказал он Орсе. — Могу сам показать.

— Стола давно нет. Если остались черновики, я посмотрю по ящикам без вас. Спасибо, что назвали число.

Она приложила к выписке маленькую печать. Пока воск остывал, Орса свесила руку с подлокотника и легонько постучала пальцами по книге, словно пересчитывала целые листы, которых было больше. Стоило ей отдать бумагу мне, и в руке это оказалось легче тетради, которую я рассчитывала здесь найти.

За дверью Гарт нацепил ножны обратно на пояс. В переходе стало светло. Ученики стряхнули с башмаков набившийся снег, и у подоконника теперь стояла лужа. Гарт вынул из пальто своё опознание. Чернила высохли. Он приложил этот лист к выписке Орсы и выровнял обе бумаги на ладони. Края были разные. Из-под аккуратной отметки Орсы торчал загнутый угол Гартовой.

— В архив можно успеть до обеда, — сказал он. — Я бы сам отдал свой лист.

Мимо нас пробежал курсант с пустым ведром. Через окно было видно, как у ворот жена конюха расчищает место под ногами у самой чёрной лошади. Снег ровно ложился на тамбур. Гарт убрал бумаги от мокрого стекла.

Вчера я попросила его остаться на скамье. Сара вполне могла снова принять меня одну. Если бы он передал лист через меня, мне осталось бы нести в архив ещё одну подпись Гарта. Теперь он держал её сам и смотрел, стоит ли идти.

— Пойдём рядом, — сказала я. — Выписку Орсы понесу я.

Гарт отдал мне второй экземпляр и выписку Орсы. Первый лист убрал во внутренний карман и отошёл от лестницы, чтобы в проходе для двоих осталось место.

Глава 6. До понедельника

На скамье у Сары сидел человек с клеткой для голубя. Птицы в клетке не было. На дне лежали четыре свёртка, придавленные дверной задвижкой, и хозяин клетки боялся, что от печки воск на свёртках размякнет. Он держал клетку у коленей и грелся сам. Когда Сара позвала нас, он поднял её повыше, чтобы мы могли пройти.

— Сегодня вдвоём? — спросила Сара.

Гарт подождал самого простого ответа. Я повесила шаль на край скамьи, где вчера он сидел, сунув руки в карманы.

— У нас два листа, — сказала я. — Он свой отдаст сам.

Сара отворила внутреннюю дверь. На столе у неё стояла синяя миска с ореховой скорлупой и лежала скомканная тряпка. Миску она убрала к печи, а тряпкой пришлось протереть стол за Гартом. С его манжеты упало три капли. Он отвернул мокрый край и развернул опознание уже над сухим.

— Как мне к вам обращаться? — спросила Сара, хотя имя было перед ней.

— Гарт Орем. В конторе меня найдут по этому адресу. Я подписал лист сегодня утром.

Сара прочитала до самого конца. Гарт стоял, пока она читала. Я подвинула к нему стул ногой, и он сел. Когда Сара перевернула бумагу чистой стороной, его рука дёрнулась к ней. Он остановил её на краю стола.

— Пока оставляю у себя, — сказала она. — Вы раньше по этому делу подписывали что-нибудь?

Я знала, что ему придётся ответить. Даже представляла себе, что спросят сначала. В груди всё равно стало тесно. На стуле Гарт сидел немного боком, так что я видела, как глубоко он вздохнул прежде, чем заговорил.

— Донесение о выходе группы. Моя подпись под ним есть.

Я достала из картона копию старого донесения и положила перед Сарой. Имя Неры уходило к сгибу. У меня была возможность его расправить. Я оставила лист лежать.

— Вижу, — сказала Сара. — Если в дальнейшем будут спрашивать об этом донесении, оба документа окажутся перед вами.

— Пусть.

Он произнёс это не сразу. Сначала Сара успела повернуть выписку Орсы к свету. Гарт мог дождаться, пока она заговорит о вырезанном листе. Вместо этого он положил палец рядом со своим адресом.

— Если вызовете, я приду. Лист оставьте.

Сара вписала имя в строку, где до того была одна просторная клетка. В клетке уместились фамилия и адрес конторы. Гарт отодвинул руку.

Орсину выписку она читала медленнее. На середине строки повернула бумагу к нам. У цифры, которая означала номер следующего листа, воск разошёлся маленьким кругом, и хорошо было видно, где Орса приложила печать повторно.

— Что было на том листе, она не видела?

— Мы нашли обрезок, — сказала я. — Гарт помнит, что расписался за вес. В какой книге, уже не помнит.

— Значит, есть выписка о пропущенном листе и его опознание. Пропуск объясняет, почему вы сегодня не принесли запись. Откуда взялся сам журнал, по нему не прочтёшь.

Гарт немного отодвинул стул, чтобы освободить мне место у стола. Я вытащила сложенный рисунок. На его ребре проступила серая полоса от промокашки, которую утром пришлось прижимать к подоконнику.

— По этой накладке можно найти мастерскую, — сказала я.

— Если мастерская узнает свою работу, это уже след. У них есть книги заказов?

— Крупные ведут. Даже у тех, кто пишет на клочках, обычно где-то лежит корешок квитанции.

Сара открыла недельную тетрадь. На последнем чистом листе от ладони осталось гладкое место. Она перевернула страницу назад. Там напротив вторника стояла чёрная скобка. Почти до самого низа шли фамилии с номерами, а между последней фамилией и концом скобки умещалась ещё одна строка.

— Во вторник будет плановая комиссия. Если к полудню понедельника принесёте подтверждение, сюда можно внести ваш номер. Перед вывозом плановой комиссии больше нет.

У меня на руке засохло чернильное пятно. Посередине оно уже потрескалось, и теперь я смотрела на него, пока в уме переносила книги с одной полки на другую. Сегодня пятница. До понедельника три утра, если считать то, в которое надо уже стоять у Сариного стола с бумагой.

— Если позже?

— Подать можно и позже. Тогда я буду просить отдельное рассмотрение до вывоза, а время назначает комиссия. Сохранить эту строку дольше полудня я не могу.

Она приподняла край страницы. Я переписала номер дела на полях рисунка и начала выводить срок. На слове «понедельник» грифель сломался, и чёрный кончик скатился в жёлоб тетради. Сара вынула его и положила мне на ладонь.

— Можно завтра принести один найденный след, а послезавтра второй, — сказала она. — Ваше обращение уже здесь. Готовую книгу приносить сразу не нужно.

Человек с клеткой за дверью переставил ноги. Дверная задвижка на свёртках стукнула. Гарт подал мне свой карандаш. Я дописала поверх накладки: «понедельник, до полудня». Карандаш у него был мягкий. Кожа на бумаге сделалась почти чёрной под моим большим пальцем.

На выходе я забрала шаль со скамьи. На крыльце Гарт надел перчатки и затянул завязки на обоих запястьях. Потом подождал, пока я подниму шаль до подбородка.

— На скамье вчера было спокойнее, — сказал он.

— Зато у Сары пальцы не мёрзли.

Он вытянул руки перед собой. На тыльной стороне одной перчатки разошёлся шов между двух пальцев, и при каждом движении показывалась узкая белая полоска.

— Сегодня руки не пригодились, — сказал он. — Сидеть оказалось труднее.

С крыльца видна была тёмная лужа у дороги, и в ней держалась тонкая корка. Я переступила по камню. С другой стороны Гарт шёл сразу за мной. Когда подошли к кондитерской, он замедлил шаг, чтобы я успела застегнуть шаль. Из двери вынесли лист с горячими булками, и на улице пахло пригоревшим сахаром. Нера на этом углу всегда останавливалась и мяла обёртку от булки в кармане, пока я доедала свою.

Я остановилась тоже. Гарт и на этот раз подождал. Про донесение мне хотелось спросить ровно с того места, где мы оба у Сары перестали шевелиться. Вместо этого спросила, которая у него рука на холоде болит больше.

— Правая, — ответил он. — Когда долго стою.

У меня вышло медленно и аккуратно разгладить край шали. Потом мы перешли улицу, чтобы идти по солнцу.

В библиотеке к обеду разбухла нижняя дверь. Пока Лук держал её, я успела снять шаль и расслышала, как он спорит с Ильной о том, чья книга до сих пор лежит на столе перевязкой вверх. Ильна пришла на полчаса отнести заявку на ремонт застёжки. Она уже забрала её вместе с Лукиной запиской и теперь освобождала место у лампы. Порванную синюю куртку Лук сложил на стуле. Из кармана торчал каштан, тот самый, исцарапанный. Я сунула его поглубже, прежде чем отнести куртку к крючкам.

— Ну что? — спросил Лук.

Вместо ответа мне пришлось ещё раз открыть дверь. За нами поднимался мальчик со стопкой тетрадей, перевязанной ремнём. Лук забрал тетради и подклинил дверь носком. Только теперь я могла сказать ему, что листа нет.

— Совсем? — переспросил он.

— Край остался. Написанного на нём мы не видели.

Он хотел посмотреть выписку. Я вспомнила, что лист лежит уже у Сары, и показала ему срок на рисунке. Он прочитал «понедельник» и поднял глаза.

— Если к полудню, то утренние книги ещё успеем посмотреть, — сказал он.

Все три вчерашние накладки я разложила рядом. Третий том Ильна вернула с ремонтного места на нижней полке. Она несла его на том же широком подносе, придерживая только дерево. Перед тем как поставить на стол, повернула застёжку с зазубриной к стене. Я подвела к накладке рисунок. Скошенное плечико смотрело в противоположную сторону. То было видно и вчера. Сегодня я перевернула тонкую бумагу. Линия проступила с обратной стороны и легла вдоль плечика.

— Это она? — спросил Лук.

— Посмотри на другой конец.

У корешка оставалась полоска кожи шириной в палец. Её обрезали по линейке. У Нериной накладки тот же конец сужался. Лук приподнял рисунок на свет, так ему стало видно, что совпало лишь одно плечико.

— Может, они режут вдвое, — сказала Ильна. — Сапожник у нас дома так делает. Один кусок кожи накладывает на другой, потом сразу по обоим проводит ножом.

Она приложила свой ноготь к светлому краю рисунка. Теперь из-под ногтя виднелось только округление. Я достала из ящика две обрезанные полоски для новых обложек. На каждой процарапала одну и ту же дугу краем сломанной пуговицы, одну повернула влево, другую вправо, как сделала бы, если бы подбирала кожу к старому сгибу. Получилось два одинаковых плечика.

— Одна выкройка, — сказал Лук.

Я сдвинула полоски и увидела, что следующий изгиб пришлось бы вырезать по месту. На такой толщине он выйдет только с наклоном, если вести нож на себя. Лук склонился, и у него на лбу появилась поперечная чернильная черта. Откуда он успел её взять, мне не хотелось выяснять при Ильне. Она как раз подбирала третью полоску и пробовала делать дугу другим концом пуговицы. Получался угол без округления.

— Сходство может быть от формы, которую они держат под рукой, — сказала я. — Возьмём ещё несколько книг, где плечо и срез такие же. И посмотрим, чья там метка.

Лук раскрыл список переплётов. Мастер с Рыночной улицы опять обтянул корешки тканью. У него всего на этом листе было четыре книги, и везде ремонт виднелся с другого конца комнаты. Я провела пальцем ниже, по трём мастерским мелкого ремонта. В первой накладки вырубали целиком. Оставались две.

Ильна принесла книгу из одной из них. У корешка тоже лежала полоска свежей кожи поверх старой. Я приложила рисунок и сначала прикрыла ногтем тот угол, которому надлежало сойтись. Сдвинула палец. Под ним шла прямая линия.

— Эту обратно? — спросила Ильна.

Я придержала книгу ещё на секунду. Если в списке больше нечего брать, можно было сегодня закрыть библиотеку вовремя. На рисунке поверх накладки лежало слово «понедельник».

— Обратно, — сказала я. — Оставь пока список.

За окнами темнело. Лук подошёл к двери учебной комнаты и прочёл записку на крючке. Потом снял её, принёс к столу и положил вниз надписью. На обратной стороне я увидела синюю клетку, какую ставят на книгах, выданных для занятия целой группой.

— Завтра утром вернут щиты и пособия, — сказал Лук. — Те, что учитель держит до конца недели. Их до полки ремонта не доводят. Сразу снова выдают.

— Посмотри сначала те, что учитель отдаст из рук. Напишешь на ярлыке, если останутся у нас лишний час.

Лук забрал записку. На столе остался рисунок с моей надписью. Ильна унесла лампу к выходу, чтобы найти там свою шаль. Не успела она отойти, как Гарт поставил к рисунку другую лампу. Я ждала, что он спросит, можно ли начать обход. Он стоял у пустого стула, в перчатках, хотя из кухни тянуло теплом.

— Правую снимите, — сказала я. — Шов разошёлся.

Он перевёл взгляд на руку. Я выбирала между толстой жёлтой ниткой, за которой надо было идти к ящику Неры, и серой, которая уже лежала рядом с курткой Лука. Серая подходила по цвету. Гарт потянул за край перчатки и снял её. Ладонь у него была красная. Я взяла перчатку и подвернула разошедшиеся края так, чтобы он увидел, где нитку стоит прихватить.

— Серую, если есть, — сказал он.

Я пододвинула ему стул.

— Сядьте. Подержите края, у меня вторая рука занята.

В другой руке у меня ничего не было. Я успела положить туда тетрадь с выписками, пока он садился, и под лампой мы оба это видели. Гарт положил перчатку между нами, расправил тёмную кожу двумя пальцами и остался.

Глава 7. Стол у окна

Лук застал меня у окна, когда я снимала с рамы полоску полотна. Её подложили под щель на зиму, и теперь из неё капало на стол. На лестнице уже слышались шаги. Учебную комнату открыли рано.

— Можно мне сюда? — спросил Лук.

Он держал чистую доску, которой мы накрывали котёл с клеем. Пальцы у него были белые от холода. На доску он положил своё очертание накладки, разгладил, а потом повернул ко мне уголок, где бумага надорвалась по сгибу.

— Я боялся, что потеряю этот скос. Приклеил полоску сзади. Под лампой видно, а у окна лучше.

У окна по назначению сидел тот, кто сверял приход. Рядом у печки оставили самый тёплый стул для преподавателя. Сегодня преподавателя ещё не было, зато из коридора уже выглядывал курсант с двумя ремнями на плече.

— У тебя есть время до выдачи, — сказала я. — Книги, которые уже посмотрел, клади обрезом к себе. Чтобы каждый видел, какие можно взять.

Лук провёл по столу ладонью, сгоняя к краю капли. Я подала ему тряпку. Он отодвинул чистую доску подальше и вытер всё насухо. Занять стол у окна оказалось проще, чем решить, куда девать воду из рамы. Полоску мокрого полотна я перекинула через край пустого таза. На этот раз на стол ничего не упало.

Мастер Керн принёс первую пачку книг сам. Он втиснул её в проём боком, с ладонями под ремнями. За ним шли двое учеников. У одного по щеке тянулась красная полоса от голого дерева щита.

— Пять щитов у двери, шесть пособий здесь, — сказал Керн. — Пока я донесу остальные, пожалуйста, подпишите лист обратной сдачи. Другая группа придёт за книгами через час.

Под ремнём на корешках остались полосы пыли, совсем ровные. Лук развязал верхний ремень и узнал одну из книг, по которой ученики учились привязывать кожаный упор к учебному щиту. Он показал мне заодно три разных способа, какими они умудрились затолкать шнур за обложку. Один шнур пришлось размотать до пятой страницы, зато застёжка у книги была обычная, плоская, и без чар. Под кожей чётко проступала головка гвоздика.

— Эта два раза была у нас в ремонте, — сказал Лук. — Смотрите, корешок новую кожу выдавил. Уже опять скоро.

Он открыл её ровно настолько, чтобы снять шнур, и положил обрезом к себе. Прежний Лук оставил бы книгу открытой возле жаровни и послал за щипцами. Нынешний намотал шнур на собственный кулак и понёс к щитам. Керн увидел у него длинный конец и попросил отдать прямо в руки. Вернувшись, Лук первым делом прижал свой рисунок доской. Лист уже начал подтягиваться к оконной щели.

Все шесть книг успели пройти через его стол, пока мастер приносил вторую пачку. Керн поставил её прямо на стул у печки. С ремня на сиденье упал комок снега. Один из учеников потянулся его снять, но Керн развернул книгу к нему и ткнул пальцем в след от пальцев на корешке.

— В следующий раз берёшь под крышки. Она весит меньше, чем твой щит.

Ученик взял её под крышки. Лук попросил поставить на доску у окна и присел, чтобы разглядеть ремонт. Первое плечико просматривалось сверху и было закруглено недостаточно. Он чуть повернул доску, и я увидела, что второе вытянуто точно так же, как на нашем рисунке. Кожаная накладка сужалась к корешку. На коротком плече срез ножа уходил к самому шву.

Лук не сказал ни слова. Придвинул бумагу вплотную, пальцем провёл в воздухе вдоль обоих краёв, потом взял лампу со стола Керна. Когда свет лёг сбоку, стали видны два стежка

под накладкой. Первый выходил ровно. Второй мастер завёл снизу под первый и увёл назад. Так была подхвачена и тёмная нитка на журнале Неры.

— Госпожа Вель, — сказал Лук.

Я остановилась возле него. У меня на языке уже было «нашёл». Мне захотелось, чтобы он сам произнёс это слово и показал, что именно увидел.

— Второй край тоже сходится, — сказал Лук. — И здесь вот как прошито. У вчерашней книги стежка под краем не было видно совсем.

Он держал бумагу чуть выше книги. Потяни он её ближе, карандашная линия пришлась бы поверх чёрной кожи. Мне приходилось смотреть не прямо на рисунок, а с его стороны, чтобы обе линии легли рядом. Лук подвинул для меня стул и дождался, пока я наклонюсь.

— Да, — сказала я. — Положи отдельно. Запишем оба признака.

Керн в это время перевязывал ремни. Он поднял голову.

— Отдельно до какого часа?

Вместо ответа Лук придвинул к себе книгу обеими руками. Я видела, что он понятия не имеет, на сколько часов нам её дадут, и всё равно не отдаст, пока я сама не попрошу.

— Как вы по ней занимаетесь? — спросила я у Керна.

— Показываем правый упор. Пятнадцать человек. У половины свои тетради, остальные рисуют по образцу.

Пособие называлось «Подкладка щита». Грязь на переднем углу затёрла последнее слово, а тиснение под круглой буквой сохранилось. Лук развернул книгу. Внутри на первой странице было показано, как поднимать щит с пола. Этой картинкой пользовались чаще, чем остальными. На полях до самого края тянулся отпечаток от жирного пальца. Керн протянул руку, чтобы перелистнуть дальше. Лук придержал обложку, и из-под форзаца у корешка показалась жёлтая бумажная полоска.

— Стойте, — сказал он.

Керн остановился с вытянутой рукой. Он привык, что в нашей библиотеке так говорят людям, которые вот-вот полезут к застёжке. На этот раз Лук только отодвинул загнувшийся угол форзаца. На полоске проступил штамп, сперва бледный, по краям чётче. В ободке с булавочной головкой были две строки. «Мастерская Сев. Глиняный ряд». Ниже от руки вписали порядковый номер.

Лук знал эту мастерскую. Туда носили тетради из кабинета карт, когда они прорезались по сгибам. Он сам видел женщину за низким окном. Имя её мог назвать только по ярлыкам: Мира. Я переписала штамп и номер рядом с наброском. Лук сверил буквы в обратную сторону, начиная с короткого «Сев».

— Надо теперь спросить, откуда книга к ним попала? — спросил он.

— Сначала посмотрим, что знаем у себя. По этому номеру. А потом покажу, как проследить дальше.

Мне хотелось тут же пойти на Глиняный ряд. От места у окна я видела белую крышу ремесленного двора. Если прищуриться, между двумя трубами была видна улица, по которой следовало идти. Книга лежала раскрытая, и Керн уже успел найти нужный чертёж правого упора. Он придерживал страницу ногтем, чтобы она не перевернулась.

— Мне вот это нужно, — сказал он.

Лук переложил лампу, чтобы свет падал на сам чертёж. Никаких сложных подписей там не было. В трёх местах ученикам показывали длину стежков на мягкой подкладке. Он вытащил чистую бумагу из стопки у окна и примерил к странице. Нам хватало двух полосок, если рисовать сразу на развороте.

— Могу вам перерисовать, — сказал Лук. — Большим. Пусть у вас один человек подержит над столом, остальным будет видно.

Керн поднял книгу и прикинул, насколько близко приходится стоять, чтобы различить подписи. Потом поставил на стол так, чтобы Луку было удобнее приложить бумагу.

— Только ещё край лямки сбоку. Они его всё время пришивают к середине и говорят, что в книге так было.

Лук отмерил место для края лямки. Керн увидел, что он оставил его с нужной стороны, и наконец убрал палец со страницы.

Под штампом стоял номер из трёх цифр. Наши записи о выдаче книг на ремонт хранились в ящике, который открывался только приподнятым. Гарт придержал снизу, пока я отыскивала папку за прошлую зиму. На нём вчера так и осталась моя серая нитка, два коротких конца между пальцами правой перчатки. Чуть видно сквозь прорезь в дереве. Срезать концы я не успела. Он, видимо, тоже.

— Из книги ничего не вынимайте, — сказал он. — Я подержу ящик.

— Там списки, не книга.

— Тогда держу, пока вернёте списки.

Лук из-за нашего окна попросил не говорить, на каком году мы остановились. Он хотел угадать, сколько времени уйдёт найти номер. Настороженную интонацию, с какой я задала Гарту следующий вопрос, он принять за подсказку всё равно не мог.

— Вы уже свободны после обхода?

— До вечера я здесь. Хотите идти к мастеру?

— Хотела до того, как нашла запись.

Мне пришлось высунуть голову из-за ящика. Гарт улыбнулся, оценив, как мало времени у меня отняла честность. Он ничего не обещал. Только подхватил ящик в другом месте, чтобы я увидела самый край папки.

Номер нашёлся в самом низу страницы, рядом с названием «Подкладка щита». В строке уместился весь путь книги. Кто отнёс в починку, номер квитанции Сев, отметка о возврате. Мне осталось провести пальцем до неё, и дальше шёл уже чужой заказ. У Неры такой строки всё ещё не было. Я удержала ящик коленом, чтобы не захлопнулся, и переписала номер для Миры.

Я прочла номер вслух. Лук не ответил. Стол у окна был весь занят разложенными листами. Он стоял вполоборота и вытягивал по сгибу длинную линию. Линия не замыкалась там, где лямка выходила за рамку. Лук обвёл край ещё раз, проверил толщину и только потом поднял голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.